

Эстетика равенства

Когда Жиль Делёз дает для своей книги о Спинозе подзаголовок «практическая философия», то он обыгрывает оксюморонный характер соединения этих двух слов, поскольку для него философия Спинозы – вызов картезианскому дуализму (души и тела, теории и практики), в рамках которого европейская рациональность во многом располагается и по сей день. Для Делёза словосочетание «практическая философия» было вариантом нонсенса, в котором смысл не теряется (как, например, в экзистенциальном абсурде), а, напротив, указывает на собственную избыточность, на то пространство, в котором противопоставление теории и практики, опыта и рефлексии перестает иметь значение. Подобным же парадоксальным способом он описывает и свой философскую стратегию, называя ее «трансцендентальным эмпиризмом», что, фактически, есть попытка заново вернуться от антропоцентрической модели Канта к Юму и далее – к Спинозе с его теорией аффектов, теорией действия, лежащего в основании мышления.

Когда сегодня мы наблюдаем так называемый «материалистический поворот» в западной философии, то не можем не заметить влияние Делёза почти на всех его представителей. Помимо прямых отсылок неоматериалистов к его текстам даже их самоопределение порой напоминает делезинское. Так, Роза Брайдотти называет свою феминистскую концепцию «чувственным трансцендентализмом», Квентин Мейясу определяет себя как «спекулятивного материалиста», а его соратники (Брассье и Харман) позже настаивают на переименовании течения в «спекулятивный реализм», одним из ответвлений которого оказывается «трансцендентальный материализм» (Джонстон, Гамильтон Грант)...

Заявляя тему «Эстетика равенства» я также сознательно иду по пути нонсенса, прекрасно отдавая себе отчет в том, что и сложившиеся представления об эстетике, и способы осмысления равенства плохо сочетаются друг с другом. Соединение этих двух терминов – первый шаг к переосмыслению и роли чувственного опыта познания, и того понимания равенства, которое обычно носит либо экономический, либо политический, либо юридический характер.

Первый шаг – попытаться осмыслить равенство как эффект общности. Нет равенства индивидов. Есть только равенство-в-общности. Помочь в этом может концепция «общего чувства» (*sensus communis*) из Третьей критики Канта. Конечно, проблематика *sensus communis* разрабатывалась и до Канта. Практически во всех рефлексиях на эту тему речь шла о категории вкуса. У

Канта *sensus communis* целиком и полностью становится именно «общим чувством», совершенно лишаясь второго значения, которое превалировало в английской эстетической традиции, а именно – «здравый смысл» (*common sense*). Плюс к этому Кант проводит важное *различие между «общим чувством» и индивидуальным восприятием*, реализуемое им в знаменитой антиномии вкуса, когда последний одновременно принадлежит и не принадлежит выносящему эстетическое суждение. Так вот именно *sensus communis* описывает ситуацию, в которой суждение вкуса не принадлежит субъекту, выносящему это суждение.

Сегодня мы, исходя из работ современных философов и социологов, легко можем интерпретировать кантовское «общее чувство» как дискурсивную или социальную обусловленность любого высказывания. Однако такая интерпретация будет справедлива лишь отчасти, поскольку рискует вытеснить важный для Канта момент антиномичности, парадоксальной связности индивида и того «общего чувства», которое ему не принадлежит. Кант проводит важную идею о том, что способность суждения универсальна, а не является чьей-то привилегией. И универсальна она не в смысле ее объективности (того, с чем должен согласиться каждый), а в том смысле, что каждый является носителем этой способности.

Ханны Арентс в «Лекциях по политической философии Канта», обращаясь именно к кантовской эстетической теории, усматривает связь между суждением вкуса и политическим суждением именно в идее *sensus communis*. Она строит свою концепцию «политической способности суждения» соединяя Канта с аристотелевским пониманием политики. Это позволяет ей сформировать свою идею политического, где ключевую роль играет «общность», хотя язык ее описания все еще крайне скуден. Потому так важен для нее и греческий полис с его равенством граждан (*isonomia*), и Аристотель с «практической мудростью» (*phronesis*), регулирующей и направляющей аффективность «общего чувства».

В идее *sensus communis* Кант подошёл к такому типу опыта, который настолько игнорируется и разумом, и индивидуальным восприятием, что почти невозможно для него отыскать примеры. Повседневная жизнь и искусство (где действует суждения вкуса), указывают на эту зону опыта лишь косвенно, а чуть ли не единственным примером становится революционный энтузиазм (см. «Спор факультетов»), вбирающий в себя знаки изменения установленного порядка (беззакония, преобразования мира), эгалитарности и сопричастности коллективному действию. Сегодня

подобное действие масс проявляет себя уже не в революции, а в образах массмедиа и результатах компьютерной обработки больших данных. Причем действие это, подобно аффективному телу у Спинозы, порождает современный тип мышления, для которого индивидуальная рефлексия оказывается нерелевантна. Масса не имеет сознания и не совершает выбор. Она в каком-то смысле подобна стихии, который внутри себя содержит функцию разрушения нормативности. Кантовское требование согласия в суждении вкуса претерпевает трансформацию. Трансформация эта связана с внедрением равенства как вируса, пожирающего систему эстетических категорий. От согласия и согласованности, с их ориентацией на *ratio* и право, через энтузиазм как коллективный аффект можно подойти к принципу действия не согласных друг с другом, когда завораживает именно этот момент солидарности, предполагающий не рефлексию, а пластичность и подвижность массы, несущей в себе угрозу и органичность одновременно.